ОВСЕЙ ШКАРАТАН

Посткоммунистические общества Европы и Азии

Цивилизационный контекст развития

Моно- или мультилинейность развития современного мира?

Монолинейность и мультилинейность остаются двумя основными концептуальными подходами к оценке характера процессов, протекающих в современном мире. И на марксистское, и на либеральное отрицание мультилинейности развития конкретных обществ решающее влияние оказала гегелевская схема «ступенчатого» развития истории к единому для всего человечества идеалу. При этом конкретно для марксистского миропонимания определяющей стала идея линейно-стадиального развития человечества в соответствии с универсальной схемой смены социально-экономических формаций, или типов (стадий) социально-экономических отношений как фундамента любого конкретно-исторического общества. Своеобразным развитием универсальной марксистской схемы является миросистемный анализ неомарксиста И. Валлерстайна. (Правда, знакомство с историей стран Востока и России привело Маркса к сомнениям относительно универсальности европейской схемы смены формаций (первобытный коммунизм—рабовладение—феодализм—капитализм—коммунизм).)

Ничем в этом отношении не отличается и либерализм. Его сторонники также констатируют безальтернативность пути развития, пролегающего от традиционного общества к частнособственническому, буржуазному, или же (вариант, предложенный Ф. Фукуямой) от родоплеменного общества к рабовладельческому, от последнего — к теократическому и наконец к венцу исторического пути человечества — демократически-эгалитарному общественному устройству. Обоснованием этого подхода в настоящее время является классическая теория модернизации (У. Ростоу, Т. Парсонс). Либеральный унитаризм рассматривает мир как иерар-

ШКАРАТАН Овсей Ирмович — ординарный профессор Государственного университета — Высшей школы экономики, доктор исторических наук.

хическую систему, где страны делятся на «эшелоны», как ушедшие вперед, так и следующие в фарватере и стремящиеся догнать находящихся впереди.

Наряду с унитаристским подходом, в соответствии с которым способы развития отдельных социально-исторических организмов (в современном мире — обществ-государств) образуют единый процесс всемирной истории, существует и мультилинейный (плюралистический). Суть его заключается в следующем: человечество представляет собой совокупность относительно автономных образований, каждое из которых имеет собственную историю, свои этапы становления, развития и увядания. На смену погибшим историческим организмам и цивилизациям приходят новые, совершающие собственный цикл. Одним из первых сторонников плюралистического подхода был выдающийся русский ученый Н. Я. Данилевский, чья книга «Россия и Европа» вышла в свет в 1869 году[1]. Ему принадлежит такая мысль: среди факторов, обусловливающих мультилинейность исторического процесса и многообразие форм развития общества, особая роль принадлежит цивилизационному типу, по которому оно развивается. Кстати говоря, такой подход, судя по публикациям современных синологов, был органически присущ китайским интеллектуалам, развивавшим его с Данилевским одновременно и не зависимо от него. Позднее, уже в XX веке, получили широкую известность построения таких сторонников исторического плюрализма, как О. Шпенглер, А. Дж. Тойнби, Л. Н. Гумилев, С. Хантингтон, Гж. Колодко и др.*

[1] *См.* **Н. Я. Данилевский.** Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-романскому. М., 2003.

Следует принять во внимание, что институциональные и ценностно-нормативные системы, определяющие саморазвитие социальных организмов, не являются универсальными; соответственно и базирующиеся на них цивилизации, и охватываемые последними нации-государства мультилинейны в своей эволюции. В то же время признание специфического развития стран разной цивилизационной принадлежности не означает отрицания универсальности технологий жизни в самом широком смысле этого понятия.

Существующее ныне разнообразие линий общественного развития в конечном итоге основывается на различиях двух доминирующих типов

* Подробнее об этом *см.:* **А. В. Виноградов.** Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. М., 2008. С. 321—322 и др.; **О. Шпенглер.** Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1993. Т. 1: Гештальт и действительность; **А. Дж. Тойнби.** Постижение истории. М., 1991; **Он же.** Цивилизация перед судом истории. М.; СПб., 1995; **Л. Н. Гумилев.** Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М., 1993; **S. P. Huntington.** The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N. Y., 1996; **Гж. Колодко.** Мир в движении. Пер. с польск. М., 2009.

цивилизации, которые условно можно именовать «европейские» и «азиатские». Первая идет от античного полиса и представляет собой цепочку обществ, характеризующихся частной собственностью, балансом отношений «гражданское общество—государственные институты», развитым концептом прав личности и приоритетом ценностей индивидуализма. Второй тип исторически связан с азиатскими деспотиями, доминированием государственной собственности, всевластием государственных институциональных структур в отсутствие гражданского общества, подданством, приоритетом общинных ценностей при подавлении индивидуальности. Следует отметить, что в мировой истории и в пространственном, и во временном измерении преобладал этот, последний, тип цивилизации. Именно в части стран, где исторически доминировала эта вторая, неевропейская, линия развития, в середине XX века установился этакратизм.

Хотелось бы сразу подчеркнуть, что нет надобности возводить непреодолимые преграды между монолинеарным и плюралистическим подходами. Тем не менее исторический опыт демонстрирует совершенно разные варианты развития не только исчезнувших, но и ныне существующих социально-исторических организмов. Одни из них перешли в свое время от первобытности к феодализму, затем к капитализму; другие — от первобытности к азиатскому способу производства, а от него — к зрелым формам капитализма (постиндустриализму); третьи «застряли» во внерыночной фазе развития, адаптировав этот тип экономики к условиям глобальной мировой системы.

С конца 1990-х годов в мировом обществоведении сравнительно широкое распространение получили теории неевропейского модерна, множественности форм модернизации. Все чаще наблюдается отказ от смешения концептов модернизации с вестернизацией, проводятся масштабные сравнительные исследования цивилизаций. Авторы акцентируют внимание на ограниченности существующих социальных теорий, неприменимых для анализа незападных форм современного общества.

Так, британский социолог М. Музилис констатировал, что в социологической литературе концепции модерна и модернизации подвергаются критике за их подчеркнуто европоцентристскую сущность. Это относится и к парсонианскому неоэволюционизму и его применению к изучению развития «третьего мира», и к работам Э. Гидденса или С. Холла, ибо все они склонны рассматривать траектории развития неевропейского мира как имитацию специфической западной модели развития. При этом исследователи, мыслящие в таком ключе, оценивают капитализм как определяющий компонент модерна. Однако, хотя

западная модернизация и была исторически первой, в современном мире она уже далеко не единственная. Более того, Музилис не исключает, что в недалеком будущем «полуавторитарный азиатский капитализм может получить преобладание над своим более либеральным англосаксонским конкурентом»[2].

[2] **N. Mouzelis.** Modernity: A non-Europian Conceptualization. — «British Journal of Sociology». 1999. Vol. 50. № 1. P. 153.

Среди сторонников концепции множественности форм модернизации и модерна преобладает точка зрения, суммированная шведским ученым Б. Витроком: «Для ученых, близких к этой или аналогичным позициям, естественно говорить о множественности форм модернизации. Безусловно ряд технологических, экономических и политических институтов, зародившихся в условиях Западной Европы, постепенно распространяется по земному шару, по крайней мере в виде идеалов, а иногда и в качестве реально действующих установлений. Однако эти процессы диффузии и адаптации отнюдь не означают, что глубокие культурные и космологические различия, скажем, между Западной Европой, с одной стороны, и Китаем и Японией, с другой, близки к исчезновению. Это только означает, что эти особые культурные единицы должны приспособиться к набору получивших всемирное распространение идей и практик и ссылаться на них. Что же касается ключевых идентичностей, то в данном отношении указанные общества продолжают сохранять формы, приобретенные ими на гораздо более ранних этапах культурной кристаллизации, относятся ли данные периоды к древней эпохе или к X—XIII векам. Эти ключевые идентичности, разумеется, всегда находятся в состоянии саморазвития и по-прежнему лежат в основе глубоких космологических и societальных оснований их цивилизаций. И было бы излишне наивным полагать, что они внезапно исчезнут»[3].

[3] **B. Wittrok.** Modernity: One, None or Many? European Origins and Modernity as a Global Condition. — «Daedalus», 2000. Vol. 129. № 1. P. 54—56.

В мировой практике на протяжении второй половины XX века наибольшую известность получили две целостные и достаточно контрастные модели экономического развития — американская и японская, каждая из которых строится на четко выраженных альтернативных системах ценностей. В одном случае последняя оказывается «достижительно-индивидуалистической», в другом — «достижительно-коллективистской». Мировое значение японских преобразований вот в чем: в их рамках древние ценности явились источником институтов современности. Очевидно, что и китайцы совершают свое экономическое чудо с опорой на традиции собственной древней цивилизации, строящейся на принципиально иных основах, чем таковая США и Ев-

ропы. Это не индивидуалистическая, а коллективистская цивилизация, как и японская.

Из приведенных примеров следует одинаковый вывод — о разнообразии моделей современной экономики, включая хорошо изученное разнообразие типов капитализма (англосаксонский, рейнский, конфуцианский и т. д.), и социально-политической организации общества разных стран мира, о полилинеарности экономического и социального развития стран, принадлежащих к различным цивилизационным ареалам.

Конкретно в контексте успешного экономического развития восточноазиатских стран, Индии и ряда южноамериканских государств, прежде всего Бразилии, стала очевидной возможность незападных стран с высокой духовной культурой использовать и развивать достижения западного мира в производстве и торговле, не жертвуя своими базовыми ценностями и традиционной культурой. В результате происходят изменения и в характере глобализации: возрастает возможность выйти из «ловушки» иерархического моноцентрического глобализационного процесса, навязанного человечеству транснациональными корпорациями, представляющими интересы элит ядра мир-системы, определявших перелив мощи и богатства с Востока на Запад и экономическое развитие народов Земли на протяжении последних пяти веков. Происходящие перемены в мироустройстве напрямую связаны с межцивилизационными взаимодействиями и переструктурированием непосредственно цивилизаций.

С точки зрения мультилинейного подхода в современном мире сосуществует несколько основных цивилизаций, качественно различающихся по институциональным и ценностно-нормативным характеристикам. Эти цивилизации сопряжены с доминирующими религиозными системами. Применительно к центрально-европейскому и евразийскому ареалам (посткоммунистические страны, находящиеся в состоянии трансформации) это католицизм, протестантизм, православие и ислам. Складывающаяся на этой основе социально-экономическая и социально-политическая ситуация в странах соответствующих ареалов существенно различается в ряде отношений. Расхождение в характере развития, результативности проведенных либеральных реформ в странах Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) и Балтии, с одной стороны, и в большей части бывших советских республик, с другой, во многом обусловлено глубинными цивилизационными межстрановыми различиями. Соответственно, эти цивилизационные особенности должны быть обстоятельно изучены.

Системы цивилизаций и модели экономического развития постсоциалистических стран

Система псевдосоциалистических стран имела свое ядро, полупериферию и периферию. Ядро — это доминирование «чистых форм» этакратизма. Периферия — резкое ослабление этих черт, сохранение в той или иной степени присущих Европе экономических институтов, социальных ценностей и норм. К ядру мы относим большую часть республик бывшего СССР (без Балтии и Украины); к полупериферии — Болгарию, Румынию, Сербию, Украину и т. д.; к периферии — Польшу, Венгрию, Чехию, Словению, Литву, Латвию, Эстонию и т. д.

Географический охват «социализмом» совпадал: а) с регионом вторичного закрепощения крестьянства на западе этого ареала (Пруссия, Польша, Венгрия и т. д.) и б) с регионом длительного господства государственного (азиатского) способа производства в евразийской (восточной) части его. В последнем столетиями отсутствовали значимые частнособственнические отношения и доминировали другие — «власть—собственность». В этих обществах не было классов, гражданских отношений, правового государства и т. д.

Государствам Центральной и Восточной Европы (первый ареал) этакратизм был навязан со стороны СССР. При этом особое сопротивление новой системе оказали народы стран, обладавших большим опытом рыночной экономики, гражданского общества, правового государства. Не случайно они на протяжении примерно 45-летнего периода советско-российского доминирования оставались ненадежной периферией «реального социализма». Все они принадлежали к католической и протестантской христианским культурам. В то же время этакратизм вполне добровольно и самостоятельно произрастал в государствах, не знавших зрелых буржуазных отношений, шедших другим историческим путем, чем Европа, — в России и Китае, Вьетнаме и Монголии.

Современная социетальная система, сложившаяся в странах ЦВЕ и Балтии, — результат единой восточноевропейской антикоммунистической революции 1989—1991 годов, носившей, по определению В. И. Ильина, системный характер. Эти революции были движимы идеями догоняющей модернизации[4]. Через сравнительно короткий промежуток времени стали очевидными позитивные результаты в становлении рыночной экономики и либеральной демократии у таких стран, как Чехия, Словения, Польша, Венгрия, Словакия. Все эти страны могут быть охарактеризованы как носители европейской культур-

[4] *См.* **В. И. Ильин.** Политическое переустройство постсоциалистических стран. — **О. И. Шкаратан, В. И. Ильин.** Социальная стратификация России и Восточной Европы. Сравнительный анализ. М., 2006. С. 262—266.

ной традиции, западного христианства, многовековой традиции частной собственности, определенного опыта гражданских отношений и правовой государственности.

Развитие же России и ряда других государств бывшего СССР пошло по иному пути. Мы придерживаемся следующего концептуального видения развития России. Современное российское общество относится к особой цивилизации (евразийской), которая существенно отличается от европейской (атлантической) по институциональной структуре и ценностно-нормативной системе. Таким образом, в социальном пространстве Европы сосуществуют по меньшей мере две самостоятельные цивилизации — другими словами, две существенно разнящиеся Европы.

Исторические корни современного российского порядка уходят в многовековую историю страны — носительницы евро-азиатской православной цивилизации, не знавшей устойчивых институтов частной собственности, рынка, правового государства, гражданского общества[5].

[5] *См.*: **Н. А. Бердяев.** Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990; **Ю. С. Пивоваров, А. И. Фурсов.** Русская власть, русская система, русская история. — «Красные холмы. Альманах». М., 1999; **Они же.** Русская система как попытка понимания русской истории. — «Полис». 2001. № 4; **А. В. Пименов.** Дряхлый Восток и светлое будущее. — «Мир России». 1999. № 1—2.

Очевидно, что в том специфическом социально-экономическом порядке, каковым является неоэтакратизм, и социальное неравенство, и весь строй социально-групповых отношений, и стратификационная иерархия должны носить специфический характер. Несмотря на взаимодействие с другими системами, столетиями внутри крайне устойчивого этакратического порядка в трансформированном виде воспроизводилась сословная иерархия, четко охарактеризованная известным русским историком В. Ключевским[6]. В сословной системе группы различаются юридическими правами, в свою очередь жестко связанными с их обязанностями и находящимися в прямой зависимости от последних. Они же являются основой дифференциации. Причем под обязанностями имеются в виду обязательства перед государством, закрепленные в законодательном порядке. Принадлежность к сословию передается по наследству; правда, последнее является скорее тенденцией, чем необходимым условием, что способствует относительной открытости данной системы.

[6] *См.* **В. О. Ключевский.** История сословий в России. Пг., 1918.

По мнению П. Н. Милюкова, аграрная революция начала XX века, сняв тонкий налет европейского гражданского права, вернула ситуацию к историческим архетипам служилого государства со свойственным ему огосударствлением земельного ресурса, полным растворением частного права в публичном. На этой основе стали возможными фактическое восстанов-

ление квазисословной системы, закрепощение сословий государством, формирование особого служилого слоя (номенклатуры) в СССР. Тот же Милюков отметил поразительный факт: русская история XX века ближе к истории XVII, чем XIX столетий. То есть реализовалась возможность воспроизводства в будущем (в нашем случае — советском) параметров социальных отношений, имевших место в прошлом[7].

[7] *См.* **А. Н. Медушевский.** Аграрные реформы в России: проекты и реализация. — «Мир России». 2007. № 1. С. 75.

Внутри евразийской цивилизации и на ее основе после октябрьского переворота 1917 года сформировалась и развивалась *этакратическая социетальная* (советская квазисоциалистическая) *система*, ставшая параллельной ветвью капиталистической индустриально-экономической системы, обладавшая при этом собственными законами функционирования и развития. Эта система ориентирована «на максимизацию власти, то есть на рост военной и идеологической способности политического аппарата навязать свои цели большему количеству подданных на более глубоких уровнях их сознания». При этом контроль над экономическим излишком является внешним по отношению к экономической сфере, поскольку он находится в руках обладателей власти в государстве[8].

[8] *См.* **M. Castells.** The Information Age: Economy, Society and Culture. Oxford, 1997. Vol. I: The Rise of the Network Society. P. 16.

В посткоммунистический период, когда в странах Центральной и Восточной Европы этот порядок полностью или по большей части ушел в прошлое, в России он изменился, трансформировался, но сохранился как *неоэтакратизм*. После распада СССР, в отличие от стран Восточной Европы и Балтии, в России не произошло коренного поворота в сторону конкурентной частнособственнической экономики, демократии и гражданского общества. В социально-экономической жизни современной России сосуществуют и взаимодействуют два разнородных типа социально-экономических отношений: при доминировании не сошедшего со сцены этакратизма как бы на вторых ролях функционирует частнособственническая экономика с интенцией к формированию свободно-рыночного хозяйства.

В современной России принцип «частности» действует в основном в сфере присвоения, отнюдь не лимитированного производством. Через присвоение «приватизаторы», как правило, овладели ресурсами, в создании которых они не принимали никакого или почти никакого участия, прибрав к рукам имущество, накопленное трудом многих поколений, природные ресурсы и бюджетные средства. Нет ничего удивительного в отсутствии у российских олигархов способности защитить свою собственность от государственного деспотизма, поскольку в принципе она была и осталась ничейной, как, впрочем, и в советское

время. Абсолютный контроль над подавляющей частью национального богатства сосредоточен в руках чиновников и менеджеров государственных и частично частных корпораций[9].

[9] *См.* **О. И. Шкаратан и др.** Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М., 2009.

Существенным восполнением к изложенным позициям является институциональная теория хозяйственного развития России, выдвинутая новосибирским экономистом и социологом О. Э. Бессоновой. Центральным для ее концепции является предположение, будто наряду с рыночными экономическими системами в мире существуют отличные от них, но столь же жизнеспособные и имеющие собственные законы развития раздаточные экономики. В результате всех событий постсоветских лет в стране формируется институциональная основа *«либерального раздатка»*, то есть системы экономических отношений, в которой институциональное ядро раздаточной экономики воплощается в либерально-экономические формы[10].

[10] *См.* **О. Э. Бессонова.** Раздаточная экономика России. Эволюция через трансформации. М., 2006.

Не менее категоричен в своих суждениях политолог В. Б. Пастухов, утверждающий, что распад коммунистической системы означает начало новой фазы эволюции специфической евразийской цивилизации. «...Россия следует своей исторической дорогой, а Запад — своей, пусть даже эти дороги периодически повторяют одни и те же изгибы... Адекватно описать ход русской истории можно скорее в рамках концепции “параллельного”, чем “догоняющего” развития»[11].

[11] **В. Б. Пастухов.** Затерянный мир. Русское общество и государство в межкультурном пространстве. — «Общественные науки и современность». 2006. № 2. С. 7—8.

Продолжая ту же линию анализа развития России как иной, незападной, цивилизации, социолог С. Г. Кордонский, противопоставив себя доминирующей традиции, применил для описания имперского, советского и современного российского обществ сословное представление о социальной стратификации и показал, что «сословия — а не классы — в России были, есть и в предвидимом будущем останутся основными элементами актуальной социальной структуры». В имперской России были одни сословия, в СССР — другие, в постсоветской России сейчас формируются третьи[12].

[12] *См.* **С. Кордонский.** Сословная структура постсоветской России. М., 2008.

В среде западных интеллектуалов все чаще высказываются и обосновываются идеи не просто «неевропейскости» России (эти мысли посещали ученых Запада с неизменным постоянством и в давние века, и с завидной регулярностью позднее — начиная с XIX века), но ее непринадлежностью и к Азии. То есть Россия стала признаваться самостоятельной цивилизацией/культурой, возникшей на границе с европейской, но сохранившей свою идентичность и устоявшей в схватке с Европой[13].

[13] *См.* **T. P. Marshall.** Russian Moment in World History. Princeton (N. J.), 2003.

Попутно заметим, что вполне надежные данные крупномасштабных исследований человеческих ценностей, обобщенные в работах Ю. В. и Н. В. Латовых (включая их собственные опросы), показали, что оценки ряда авторов, в том числе группу В. А. Ядова, согласно которым российская ментальность является западной, как и свидетельства Г. Хофстеда, а также Д. Боллингера о «восточном характере» российской ментальности, не вполне корректны. «Истина в буквальном смысле слова лежит посередине: российская ментальность — промежуточная между “западной” и “восточной”. Согласно последним данным, Россия чуть ближе к Западу, а потому она все же чуть больше Евразия, чем “Азиопа”»[14].

[14] *См.:* **Ю. В. Латов, Н. В. Латова.** Российская экономическая ментальность на мировом фоне. — «Общественные науки и современность». 2001. № 4; **Они же.** Открытия и парадоксы этнометрического анализа российской хозяйственной культуры по методике Г. Ховстеда. — «Мир России». 2007. № 4.

Таким образом, можно считать фактом развития социальной науки последних лет постепенное укрепление творческого направления, в основе которого лежит идея полилинейного развития цивилизаций, включая евразийскую. Представляется, что теория евразийства (Н. Савицкий, Н. Трубецкой, Л. Гумилев и др.) может стать важным системным элементом анализа процессов развития современной России и ее восточных соседей.

В кругах социальных исследователей и преобладающей части властвующих групп самой же России доминирующую позицию занимала и занимает концепция принадлежности страны к европейским народам. Обычно авторы подчеркивают, что Россия — страна европейской культуры и ориентирована на работу европейских институтов. Ту же позицию занимают и лица, формирующие внутреннюю и внешнюю политику России. Европеизм остается ведущим идеологическим течением в стране[15].

[15] *См.* **М. Смирнов.** О философии европеизма. — «Свободная мысль». 2008. № 10.

Таким образом, при проведении экономической и социальной политики в 1990-х и отчасти в первом десятилетии 2000-х годов правящие круги России искали по преимуществу модели/образцы для развития постсоветской России на Западе. Хотя нельзя не отметить, что в среде консервативных деятелей правящих кругов в последние годы все чаще звучали голоса в пользу возврата к почвенническим основам «соборной России» и проведению обновленной линии на реализацию известной мракобесной триады графа С. С. Уварова: «Православие — Самодержавие — Народность».

Однако наш сосед на юго-востоке, Казахстан, достиг национальной солидарности и социальных, и этнических частей своей страны, положив в основу государственной идеологии и реальной политики признание принадлежности к евразийской цивилизации. Символом этой политики стало присвоение вновь созданному в новой столице Казахстана университету имени выдающегося русского ученого-евразийца Л. Н. Гумилева. Рассмат-

ривая последствия принадлежности своей Родины к евразийской цивилизации, казахстанские ученые отмечают превалирование в общенациональном масштабе культуры подчинения и коллективистских ценностей. Социализация личности по-прежнему основана на механизме подчинения патерналистским, этатистским корням традиционной культуры. На поведение личности оказывает большое влияние традиционная культура, поддерживающая такие подсистемы, как жуз, род, клан, местность.

У населения сохраняется неверие в закон как эффективное средство борьбы за соблюдение прав и интересов личности, но уже не отождествляются интересы государства и общества. Этакратизм как часть культуры населения страны выражается в ожидании помощи от сильного государства. Однако личность постепенно начинает осознавать собственные интересы. Опросы населения демонстрируют его нежелание рассматривать западно-либеральный путь развития как национальную идею. Участь стать азиатской окраиной Запада задевает национальную гордость[16].

[16] *См.* **Г. О. Абдикерова.** Евразийская ментальность как основа создания интегральной модели социализации личности. — «Социс». 2009. № 9. С. 42—47.

Что касается стран, относимых нами условно к «полупериферии» так называемого реального социализма, их положение при всей неопределенности скорее всего связано с постепенным вхождением (возвращением?) в европейский цивилизационный и экономический ареал. В подтверждение приведу соображения социологов из самой крупной страны — представительницы той самой «полупериферии» — Украины. Е. И. Головаха и Н. В. Панина в связи с анализом постсоветской аномии отмечают сущностные черты различий между Украиной и Россией. У России — специфическое положение в евро-азиатском физическом, политическом и духовном пространстве, в пограничье между Европой и Азией. «Отсюда проистекает и евразийская идеология, вполне отвечающая духу традиционализма и мирно уживающаяся с исконным российским почвенничеством. В последние годы она верой и правдой служит делу укрепления государственности и установления нового социального порядка». Применительно к России авторы отмечают наличие традиции самодержавия. У Украины — специфическое положение между «Европой» и «Евразией», а потому ее выход из аномического состояния имеет преимущественно «европейскую направленность». Применительно к Украине авторы отмечают исторически сформированный феномен оппозиционности любой власти.

«В силу указанных выше факторов Россия и Украина избрали различные пути преодоления постсоветской аномии». В России — «на основе умеренной автократии, сакрализации власти, великодержавной идеологии, ориентированной на евразийство», и ориентации на возрождение «Великой России». Украинский путь ориентирован на государственно-

национальное самоутверждение, включая противоречивые составляющие: «идеологию “европейскости”, готовность противостоять автократии в сочетании с традиционализмом, изоляционизмом и верой в сакральную роль очередного оппозиционного политического харизматика»[17].

[17] **Е. И. Головаха, Н. В. Панина.** Постсоветская аномия: особенности выхода из состояния аномической деморализованности в России и на Украине. — «Общественные науки и современность». 2008. № 6. С. 10.

У меня лично несколько иное, но похожее объяснение произошедшего в России. В контексте path dependency theory я обращаю первостепенное внимание на историю отношений собственности, соотношение рынка и раздатка, отсутствие гражданского общества и доминирование отношений подданства, конфессиональный фактор. Те же вопросы имеет смысл рассмотреть и применительно к Украине.

Используя материалы трех повторных представительных опросов, проведенных в постсоветский период, нам удалось показать, что социально-экономическое устройство современного российского общества и весь присущий ему строй социально-групповых отношений носят специфический этакратический характер. Его первооснову образуют слитные отношения «власть—собственность», завуалированные частнособственнической оболочкой. Принципиальным отличием от европейских обществ является доминирование сословно-слоевых членений над собственно классовыми и социально-профессиональными, присущими развитым капиталистическим обществам. Эмпирическое подтверждение этой гипотезе нам удалось получить, решая задачу поиска реальных социальных групп, характеризующихся максимальной однородностью социально-экономического положения, а также параметрами обладания властными, человеческими, культурными и социальными ресурсами[18].

[18] *См.* **О. И. Шкаратан и др.** Социально-экономическое неравенство.

Среди европейских исследователей и аналитиков по-прежнему бытует мнение, будто социально-экономический порядок современной России принципиально не отличается от устройства большинства развитых европейских стран. Хотя этому концептуальному подходу явно противоречат многочисленные факты и события последних лет. Для многих западных ученых Россия представляет, как правило, один из типов капитализма. Так, по мнению известного аналитика России Д. Лэйна, ранним посткоммунистическим правящим элитам грезился переход к обществу западного типа с его богатством, наличием рынков, частной собственности, демократии и гражданского общества. Между тем капиталистические общества Западной Европы, особенно США, не стали работающими моделями того, во что стремилась превратить Россию ее правящая верхушка. В 1990-е годы Россия проходила путь от государственного социализма к кооперативному

капитализму, координируемому государством. Российскую экономику того времени автор характеризовал как извращенное хаотическое социальное образование[19].

[19] *См.* **Д. Лэйн.** Преобразование государственного капитализма в России: от «хаотической» экономики к кооперативному капитализму, координируемому государством? — «Мир России». 2000. № 1.

С середины 1980-х и до конца 1990-х годов профессор М. Кастельс изучал Россию, осуществив комплекс исследований. Вот некоторые итоги его анализа. «Мы все еще думаем в терминах дихотомии между капитализмом и социализмом, либерализмом и советизмом, Западом и Востоком, предпринимателями и бюрократами, свободой и коммунизмом, централизмом и локальностью. Наш прежний образ мыслей просто неприменим к России, да и к миру в целом. Но в России аналитический вызов даже более ощутим, поскольку в конце столетия она комбинирует различные направления перемен, полностью погружаясь в новую глобальную реальность»[20].

[20] **М. Кастельс, Э. Киселева.** Россия и сетевое общество. — «Мир России». 2000. № 1. С. 48—49.

Тем не менее наиболее употребляемой аттестацией современного российского капитализма у М. Кастельса является весьма нелестный для конца XX века термин «дикий». К этому можно добавить дополняющие озвученную характеристику следующие два комментария: «Ирония ситуации заключается в том, что олигархическая властная система в России крайне напоминает традиционную карикатуру на государственно-монополистический капитализм, приписываемый коммунистической мифологией западному миру»; пореформенная Россия переживает «трудный бесконечный переход от сюрреалистического социализма к нереальному капитализму»[21].

[21] *Там же.* С. 37, 46.

Примерно в те же годы профессор М. Буровой на основе своих наблюдений и исследований поставил под сомнение тезис, будто переходные процессы, пережитые Россией, означали переход к капитализму. Он охарактеризовал траекторию развития российской экономики как «инволюцию», напоминающую веберовский «грабительский капитализм», где банки и торговые монополии получают прибыли, но ничего не инвестируют в производство. Производство же в России, согласно Буровому, осуществлялось по-прежнему по советской схеме[22].

[22] *См.* **M. Burawoy.** Transition without Transformation: Russia's Involutionary Road to Capitalism. — «East European Politics and Societies». 2001. Vol. 15. № 2. P. 269—290.

Ян Драхокупил попытался проинтегрировать взгляды ученых, преимущественно из европейских стран, на характер социально-экономических отношений в посткоммунистических странах[23]. Для решения задачи им были взяты три, пожалуй, лучшие коллективные книги, написанные высокопрофессиональными авторами и изданные в престижных издательствах. Каков же итог? Он обнаружил ту же картину, ту же мозаику взглядов, что и за

[23] *См.* **J. Drahokoupil.** After transition: Varieties of political-economic development in Eastern Europe and the former Soviet Union [Review article]. — «Comparative European Politics». 2009. № 7(2).

десятилетие до наших дней. Другими словами, все обсуждения по большей части сводятся к уточнению типа капитализма в той или иной из посткоммунистических стран, по крайней мере Европы («либеральный зависимый капитализм», патримониальный капитализм», «гибридный государственно-рыночный капитализм», «олигархический капитализм», «веберианский политический капитализм» и т. д.).

Общим местом является наличие в этих странах (от Польши и Чехии до России) регулируемой рыночной экономики (controlled market economy). Однако никто из авторов специально не оговаривает, почему, в отличие от исконно западных стран (Балтия, страны Центральной Европы), Россия и ее преимущественно «православные» постсоциалистические соседи целиком не вписываются ни в одну из приведенных классификаций. При обсуждении указанных стран сам Драхокупил осторожно обходит этот вопрос стороной. Рассуждая о типах капитализма, четко обозначившихся в современной Европе (основной раздел по линии Старая Европа — Новая Европа), он лишь вскользь упоминает об «особости» России, присваивая ей ярлык CME (controlled market economy).

Однако если подобный подход и применим к Европе («общее и особенное»), то в этот ряд едва ли вписываются нации-государства, принадлежащие к евразийской цивилизации. В связи с этим мы предполагаем в дальнейшем продолжить развитие идеи о русском народе как представителе евразийской цивилизации, образующем ее западный ареал, пограничный с европейской цивилизацией. Поэтому во всех сторонах жизни России на протяжении веков, как и в других пограничных культурах, были значимо представлены элементы соседствующей европейской цивилизации. Особенно это относится к периоду существования Российской империи от Петра I до революции 1917 года, когда в стране активно присутствовал чисто европейский компонент (Польша, Финляндия, Прибалтика), а российская государственность органично входила в «концерт» европейских держав.

Подводя итоги представленных выше рассуждений, замечу, что при ближайшем рассмотрении Россия оказывается лишь западной пограничной частью евразийского субстрата вместе с собственно европейским, образующей по сути «две Европы» — две макроцивилизации на географической территории Европы.